

ПОСТ-премьер

Уход Владимира Ерошина из правительства был его «сформировавшейся позицией»

СЕРГЕЙ ГОНЧАРЕНКО

Владимир ЕРОШИН исчез из поля зрения СМИ 1 октября 2001 года. В то самое время, когда переизбранный президент Александр Лукашенко принял отставку правительства, а вместе с ней и отставку премьер-министра. Вновь интерес к своей персоне со стороны масс-медиа Владимир Васильевич вызвал, став руководителем российского представительства ОАО «Мобильные ТелеСистемы» в Беларуси. Получивший широкую огласку конфликт между СООО «Мобильные ТелеСистемы» и компанией СП ООО «МЦС» (торговая марка Velcom) был непосредственным поводом для нашей встречи с экс-премьером. Впрочем, разговор шел не только об этом.

— О конфликте двух операторов сотовой связи сейчас не говорит только ленивый. Какова ситуация сегодня?

— Идет сложный переговорный процесс. Операторы подписали договор до конца года на условиях Минсвязи, но пока еще рано говорить о том, что мы близки к нахождению точек соприкосновения. С чего все началось? Когда МТС выиграла тендер и начала работать в Беларуси, проблем не возникало. Проблемы начались с 27 июня, когда была запущена первая очередь сотовой связи в Минске. В этот же день совершенно неожиданно для нас Velcom перекрыл связь между нашими абонентами и своими. Эти действия вызвали у нас, по меньшей мере, недоумение и непонимание. Я уже не говорю про абонентов и их правомерное возмущение. Мы тотчас же вступили в переговоры, в ходе которых с нас совершенно неожиданно потребовали платежи за входящие звонки, то есть в том случае, если наш абонент звонит абоненту сети Velcom.

— Какова была реакция на эти события центрального офиса в Москве?

— Ситуация была тут же проанализирована на предмет соответствия мировой практике и законодательству Беларуси.

— И какова же мировая практика в таких случаях?

— Она самая разнообразная. Есть так называемая прямая связь между операторами, и тогда действительно существует договорная возмездная их эксплуатация. У нас же ситуация другая. Согласно лицензии мы и два других оператора, Velcom и «БелСел», работаем по следующей схеме:

Владимир Ерошин

наш сигнал принимает «Белтелеком» (замечу, государственная структура) и уже он транслирует его туда, куда нужно. По этой схеме три года работают Velcom и «БелСел» и, обращая ваше внимание, без требования платы за входящие звонки и составления каких-то договоров. Приход же нашей компании вызвал ту реакцию, о которой вы уже знаете. В этой ситуации руководство МТС заявило, что, если мы работаем через государственного оператора, которым является «Белтелеком», и уплачиваем ему транзитную таксу, этого достаточно.

— Velcom же считает, что этого недостаточно?

— Да, Velcom по-прежнему считает, что мы должны платить ему за каждый звонок.

— Каков же выход в данной ситуации?

— Как и в любом деле, если упереться в стену, то толку не будет. И в сложившейся ситу-

ации главное даже не мнимые убытки для нас (мнимые, потому что компания имеет сегодня всего восемь тысяч абонентов, а Velcom — более двухсот тысяч). Речь идет о грубом нарушении прав человека. Получается, человек купил аппарат, а ему обрезают связь. Мы говорили нашим оппонентам: «Включите связь, и мы вступаем в переговорный процесс!» Мы готовы были подписать договор на какой-то период, провести анализ, что это даст нам, что это даст им. Мы согласны на переговорный процесс, но мы не согласны, когда нам диктуют такую плату за входящий звонок, которая превышает всякие разумные пределы.

— Как вы оцениваете позицию Министерства связи в разрешении спора?

— С сожалением говорю о том, что Министерство связи заняло позицию Velcom. Почему? Это надо спрашивать у

министерства. На мой взгляд, в этой ситуации надо исходить из интересов людей, а не из коммерческих выгод и сверхвыгод. Минсвязи предписало первым пунктом включить трафик и вторым — заключить договоры. Когда нам 7 августа прислали договор, мы его немедленно отправили в Москву, где специалисты юридической службы проводят его проработку. Свои предложения мы отдадим Velcom после того, как специалисты сделают соответствующее заключение, не раньше. А нам поставили условие: в 13 часов получи договор, в 18 — подпиши...

— Соглашаясь занять кресло руководителя представительства ОАО «Мобильные ТелеСистемы», предполагали ли вы, что будет так тяжело?

— Я не говорю, что мне тяжело. Мне просто непонятна и странна вот эта «упартая»

позиция. Со своей стороны я буду продолжать отстаивать интересы наших абонентов и интересы нашей фирмы, которая за три месяца работы вложила 43 миллиона долларов и дополнительно к финансовому плану компании планирует вложить еще 30 миллионов. Такое отношение к инвестору непонятно. Непонятно, почему тот орган, который согласно лицензии должен разрешать конфликты по любому вопросу, принимает решение в пользу одной стороны.

— На посту премьер-министра наверняка тоже возникали сложные ситуации. Сегодня, спустя некоторое время после отставки, как бы вы оценили свою деятельность на этой должности?

— Не скрою, это был сложный этап в моей жизни. Но и на посту премьера, и прежде, будучи мэром столицы, я исполнял свои обязанности, насколько мне позволяли мои знания и обстановка, в которой мы работали. Как мне кажется, свое дело я делал честно и откровенно. Но и сказать, что я удовлетворен результатами, конечно, было бы слишком. Всегда была масса проблем, поскольку жизнь такая штука, что на месте не стоит.

— Предложение возглавить правительство было для вас неожиданным?

— У меня состоялся разговор с президентом, в ходе которого мне и было сделано это предложение. Александр Григорьевич посчитал, что я должен возглавить правительство. Для меня это было абсолютно неожиданно.

— Долго ли длились раздумья?

— Нет. Где-то в течение часа я принял окончательное решение.

— Можно ли говорить о наличии какого-то конкретного плана действий на тот момент?

— Поскольку назначение было неожиданным, то и плана, естественно, тогда лично у меня не было никакого. И если говорить о каком-то плане, то речь надо вести не о плане действий Ерошина, а о плане действий правительства. Программа такая была. Если вы помните, это было время, когда существовало несколько обменных курсов белорусского рубля. Мы ясно отдавали себе отчет в том, что это может привести ко многим негативным явлениям в экономике. Да и как было оценивать экономическое состояние в целом и по отраслям, когда мы не знали, куда относить существовавшую курсовую разницу. Этакая виртуально-искусственная система отсчета. Это надо было менять, и в этом направлении велась серьезная работа. Ос-

новная заслуга здесь принадлежит Национальному банку, поскольку в очень сжатые сроки нам удалось выйти на единый курс, который до сих пор предсказуемо поддерживается. После того, как это было сделано, наладились и отношения с внешнеторговыми партнерами, что в свою очередь положительно сказалось на внешнеторговом сальдо. Работа велась по всем направлениям, и легкой она не была.

— Отставка с поста премьер-министра... Как это было?

— Трактовок в средствах массовой информации на эту тему было много. Но истина состоит в следующем: это была моя просьба. Вы же помните: был избран президент, после чего правительство в полном составе подало в отставку. Я, как и каждый член правительства, решал свою судьбу сам. Кому-то предлагали остаться в правительстве, кому-то — нет. У меня состоялся с президентом разговор, в ходе которого я высказал мнение, что в правительство должны прийти новые люди. И возглавить правительство, на мой взгляд, должен был новый человек, который, образно говоря, готов был впрячься в работу на перспективу. И я благодарен президенту, что он воспринял мои слова не как игру, а как сформировавшуюся позицию.

— Отношения с президентским окружением складывались безоблачно?

— Отношения были нормальные, деловые. Это, конечно, не значит, что мы ходили в обнимку. Приходилось и нервы тратить, и характер показывать.

— Вашу деятельность на посту премьера аналитики оценивают по-разному. Вы — один из немногих, к кому определенную благосклонность испытывают и оппоненты нынешней власти. На ваш взгляд, почему?

— Я не помню, чтобы наше правительство кто-то хвалил. Что касается взвешенных оценок, то да, они были. Было понимание, и оно прослеживалось как в государственной прессе, так и в независимой. Я человек достаточно терпеливый и уравновешенный, и когда кто-либо что-то пишет, то я всегда понимаю или хотя бы пытаюсь понять, почему именно так. По большей части те публикации, которые оценивали работу нашего правительства, были правильными. В правительстве всегда читали и сейчас читают оппозиционные и государственные СМИ. И если мы считали, а это бывало нередко, что те или иные публикации действительно отражают суть некоего явления, то мы незамедлительно реагировали.

— Маленький прогноз политической ситуации недалекого будущего. Будут ли в Беларуси очередные президентские выборы?

— Вы опять хотите втянуть меня в политику. Я вам отвечу как человек и гражданин. У нас есть Конституция, и все должно происходить согласно Основному закону государства. Другое дело, если в нем произойдут изменения. Тогда и предмет разговора может быть иной.